

18+ Весёлые Механики

Александр Тудков

Александр Гудков

Весёлые механики

«Издательские решения»

Гудков А.

Весёлые механики / А. Гудков — «Издательские решения»,

Маленькая компания продаёт строительную технику. Однажды погрузчик отказывается грузить навоз, новый двигатель пахнет мандарином, а кот начинает диагностировать технику не хуже компьютера. Завод в Китае, война с конкурентами, таможня, которая находит в запчастях художественную ценность, и африканская миссия с солнечным экскаватором. Это история о механике, способном починить всё, о бухгалтере с папкой «Входящие угрозы» и о команде, которая знает: хаос — просто неподписанный договор.

© Гудков А.

© Издательские решения

Содержание

ВЕСЁЛЫЕ МЕХАНИКИ	6
Глава 1. В которой выясняется, что бюрократия и гравитация имеют много общего	7
Глава 2. В которой самолёт садится не туда, господин Ван оказывается серьезнее, чем казалось, а Саня впервые сомневается в себе	11
Глава 3. В которой российская таможня изучает основы рекламной деятельности	14
Глава 4. В которой компания «Парни с соседнего двора» начинает охоту, а прошлое напоминает о себе в виде адвоката с ритуальным термосом и погрузчика, отказавшегося от навоза	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Весёлые механики

Александр Гудков

Иллюстратор Александр Гудков

© Александр Гудков, 2026

© Александр Гудков, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-5354-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕСЁЛЫЕ МЕХАНИКИ

Автор настоятельно рекомендует не воспринимать нижеследующий текст как руководство к действию, инженерный справочник, налоговую консультацию или, упаси боже, учебник по международной дипломатии. Все совпадения с реальными законами физики, таможенными кодексами и здравым смыслом являются случайными и, скорее всего, трагической ошибкой вёрстки. Если в процессе чтения вам покажется, что экскаватор может копать без дизеля, кот — получить дипломатический иммунитет, а зонтик — изменить геополитическую обстановку, знайте: это не я. Это они сами. Автор снимает с себя всякую ответственность за: спонтанное желание читателя купить просроченные свечи зажигания и выдать их за арт-объект; попытки зарегистрировать домашнее животное как «биологический актив с функцией неразрушающего контроля»; внезапно возникшую веру в то, что криптовалюта, обеспеченная ковшом, надёжнее доллара; и за любые травмы, полученные при попытке повторить брачный танец мини-экскаватора на собственной свадьбе. Всё написанное — плод воспалённого воображения, подкреплённого глубоким уважением к хаосу, гидравлике и людям, которые умеют находить выход из безвыходной ситуации, имея в кармане только паяльник, пару китайских прокладок и абсолютную уверенность, что «всё образуется». Если вы узнали в персонажах себя или свою компанию — немедленно перестаньте продавать носки вместо запчастей. И пришлите нам ваш прайс-лист.

Глава 1. В которой выясняется, что бюрократия и гравитация имеют много общего

Вселенная, как известно, штука бесконечно огромная, но поразительно плохо спланированная. Особенно это заметно не в туманностях или квазарах, а в бизнес-центрах класса «С», где бухгалтерия ютится в бывшей серверной, а кофе из автомата на вкус напоминает жидкий несмелый вопрос о смысле бытия. Компания «Весёлые механики» (ООО «ВМ») занимала именно такое место в пространственно-временном континууме — полуживой ангар на задворках промзоны, где российская тоска по авось встречалась с китайской инженерной загадочностью. За окном стояла поздняя осень, дождь размывал пятна мазута в глубокую философскую абстракцию, и генеральный директор Николай Дмитриевич Ковалёв смотрел на это безобразие с тем особым спокойствием, которое вырабатывается у людей, переживших госслужбу, лизинг и три реорганизации.

Здесь необходимо сделать паузу и немного рассказать о Николае Дмитриевиче. Человек он был симпатичный во всех отношениях. Щёки его вечно лоснились здоровым румянцем, а голубые глаза смотрели по-детски удивлённо и сразу во все стороны. Округлые формы живота в сочетании с умильным выражением лица вызывали неподдельное восхищение и высокую степень доверия у коллег и клиентов вверенного ему когда-то отдела Тяжёлой Механизации (сокращённо ТяМ). Подчинённые знали наверняка — Николай Дмитриевич всегда найдёт выход из самой безвыходной ситуации. Сам он, несмотря на всю важность вверенного участка в госагрегаторе, про себя называл свою службу «маромойство». Если бы кто-то попросил его однажды объяснить этимологию этого слова — скорее всего, академического объяснения не получил бы. Но то, как смачно этот термин звучал у него в голове, объяснениями было бы только упрощено и испорчено. Такие слова обладают мощной эмоциональной окраской. Но однажды ему надоело перекладывать воздух с места на место, и он ушёл в реальный сектор. Реальность оказалась грязной, пахла соляжкой и требовала денег.

Коллектив «Весёлых механиков» подобрался под стать своему директору — то есть совершенно необъяснимым образом, но на удивление работоспособный. Если бы кто-то задался целью собрать в одном помещении максимально несовместимых людей, он вряд ли превзошёл бы результат естественного отбора, который сложился в этом ангаре. Механики — отдельная песня. Федя, двадцати трёх лет от роду, обладал мнением по любому вопросу и не стеснялся его высказывать. Его коронная фраза «я считаю» звучала в цеху чаще, чем стук гаечных ключей. Вальдемар, электрик, в прошлом лучший в городе мастер по стиральным машинам, а ныне специалист широкого профиля, мог оживить любой мотор, но только если тот в прошлой жизни хоть как-то соприкасался с бытовой техникой. А возглавлял эту разношёрстную бригаду Михаил Юрьевич — человек с лицом, напоминавшим карту геологических разломов, и с руками, которые помнили ещё советские экскаваторы, выпущенные при Брежневе.

Был в компании и свой талисман — кот Хуанхэ, названный в честь китайской реки не потому, что был жёлтым (он был рыжим), а потому, что его появление совпало с первой партией китайских запчастей. Кот обладал уникальной способностью: если он садился на двигатель — двигатель работал. Если уходил — жди поломки. Механики это заметили не сразу, но, заметив, занесли в негласный реестр производственных примет, а Федя даже предлагал присвоить коту квалификационную категорию.

— Коля, у нас проблема, — в дверном проёме возник Алекс Вадимович, коммерческий директор. Единственный, кому позволялось такое обращение. Вечный предприниматель. На его счету было три разорённых бизнеса: сеть по продаже разумных кактусов (они оказались недостаточно разумны), сервис по прокату друзей (друзья ушли, не заплатив) и производство съедобных визиток (люди ели, но не звонили). Сейчас он держал в руках планшет, который

выглядел так, будто им ловили щуку. — Хуанхэ-погрузчик, который мы продали фермерам в Краснодар, кажется, обрёл сознание.

— В смысле? — Николай Дмитриевич обернулся.

— Он отказывается поднимать навоз.

— Этот новый мотор, он страшно капризный, — из-под разобранного дизельного монстра высунулась голова Сани, главного механика. Точнее, сначала показалась длинная рыжая борода, а уже потом её владелец. Сане было двадцать восемь, и он выглядел так, словно родился с гаечным ключом в руке и техпаспортом в зубах. Про него говорили, что он может починить всё, что движется, и половину того, что движется неправильно. Но за его уверенностью скрывалось то, о чём он никому не рассказывал: глубокий, тщательно скрываемый страх. Страх, что однажды он столкнётся с поломкой, которую не сможет понять и исправить. Этот страх гнал его работать по ночам, перепроверять каждый болт и перечитывать техническую документацию до рези в глазах. — Китайцы из партии новых двигателей, кажется, положили в блок управления вместо чипа мандарин. Я серьёзно. Он кислый.

— Это ваш маркетинг, — раздался скрипучий голос из угла. Там, водрузив на нос очки, сидела Марь Иванна, бухгалтер, в девичестве — гроза налогоплательщиков. — Я предупреждала. Нельзя было указывать в таможенной декларации погрузчик как «сельскохозяйственное орудие с элементами культуры». Теперь налоговая думает, что мы ввозим рояли.

В этот драматический момент дверь распахнулась так, словно в неё вошёл человек, которому принадлежит если не мир, то уж точно пол-Москвы. И это было недалеко от истины. Вошёл Кир Валентинович, председатель правления. Должность он себе придумал сам, потому что «просто инвестор» звучало недостаточно внушительно. Он был чуть моложе Николая Дмитриевича, но старался выглядеть спортивно. На нём были кроссовки за триста тысяч и выражение лица человека, который только что вложился в блокчейн-стартап по токенизации ежей и проиграл. Впрочем, Кир был из тех людей, у которых деньги заканчиваются, но всегда появляются снова — то ли от продажи квартиры покойной бабушки, то ли от нового инвестора, ещё не понявшего, с кем связался.

— Парни, — сказал он с порога, стряхивая с плеч невидимую пыль. — Я тут придумал, как нам масштабироваться. Мы открываем филиал в Китае!

В ангаре стало тихо. Даже двигатель в углу, кажется, перестал кашлять. Михаил Юрьевич медленно выпрямился и переглянулся с Федей. Вальдемар, не отрываясь от генератора, пробормотал что-то про «опять двадцать пять». Кот Хуанхэ, до этого мирно спавший на старом кресле, приоткрыл один глаз.

— Зачем? — осторожно спросил Николай Дмитриевич.

— Чтобы быть ближе к поставщикам! — глаза Кира Валентиновича горели тем особенным огнём, который обычно предвещает финансовые потери. — Я уже нашёл партнёра в провинции Шаньдун. Он продаёт нам завод по производству мини-экскаваторов. Всего за миллион долларов! Это же копейки!

— Кир Валентинович, — Алекс Вадимович отложил планшет с танцующим погрузчиком. — Ваш прошлый партнёр из Китая, некий дедушка Чэнь, продал нам партию свечей зажигания, которые оказались... просто свечами. Со стеарином и фитилём.

— Но они отлично пахли лавандой!

— Мы продавали их как запчасти для экскаваторов. Лавандовые свечи. Для двигателя внутреннего сгорания. Клиенты были в некотором недоумении. Федя тогда сказал, что это первый в истории случай, когда двигатель должен не заводиться, а создавать атмосферу.

— Я и сейчас так считаю, — донёсся голос Феи из-под верстака.

— Вот видите! — обрадовался Кир. — Федя понимает. Это был не брак, это была концепция.

— Концепция чуть не довела нас до суда, — напомнила Марь Иванна, не поднимая головы от монитора. — Я до сих пор храню то дело в папке «Входящие угрозы». Для профилактики.

В этот момент в ангар, цокая каблуками, вошла Алиса. Молодая девушка, творческая личность, которую взяли непонятно на какую должность. В её резюме значилось: «умею чувствовать настроение техники и вести соцсети Вселенной». Она держала в руках айфон и снимала всё происходящее. Саня, завидев Алису, машинально провёл ладонью по рыжей бороде — жест, который он сам не смог бы объяснить, но который механики в цехе уже научились пародировать с абсолютной точностью. Вальдемар однажды даже записал этот жест в свой блокнот с пометкой «Саня, момент X» и показывал стажёрам как образец производственной хореографии.

— Ребята, это гениально! — её глаза сияли. — Танцующий погрузчик! Китайский завод! Я уже выкладываю сториз. Нас смотрит Илон Маск!

— Что? — хором спросили все.

— Ну, пока только бот-аккаунт Илона Маска. Но он лайкнул!

Саня открыл было рот, чтобы сказать что-то глубоко техническое и, по его замыслу, остроумное, но вместо этого издал неопределённый звук и снова уткнулся в двигатель. Алиса этого, разумеется, не заметила — она была занята хештегами.

Николай Дмитриевич снял очки и медленно протёр их. Он посмотрел на свою команду: горе-предприниматель с планшетом, который ловил шуку, мажор-фантазёр с самоназначенной должностью, бухгалтер-инквизитор с папкой «Входящие угрозы», девушка из параллельной реальности, гениальный парень с рыжей бородой, который нюхает солёнку с утра и безнадёжно влюблён в ту самую параллельную реальность, трое механиков, один из которых имеет мнение по любому вопросу, второй пытается применить опыт ремонта стиральных машин к дизельным двигателям, а третий помнит ещё советскую технопромышленность, и кот, который диагностирует двигатели лучше любого компьютера. Это была не компания. Это был экипаж космического корабля, который по ошибке принял на борт партию китайского чая с галлюциногенным эффектом и теперь летел не в ту сторону.

— Саня, — сказал он, не повышая голоса. — Ты сможешь разобраться с заводом в Китае, если мы туда поедem?

Саня вытер руки ветошью и пожал плечами: — Если китайский завод похож на этот двигатель — мне понадобится два дня, паяльник и знание того, как по-китайски будет «почему это приварено к тому месту, где должна быть совесть».

— Алиса, найдёшь билеты. Кир Валентинович — никаких финансовых решений до вылета. Алекс Вадимович, едете со мной, будете переводить мои приличные слова на язык коммерции. Марь Иванна...

— Если вы не вернётесь, я оформлю это как командировочные расходы с последующей утилизацией, — спокойно ответила бухгалтер, не поднимая головы от монитора. — НДС возместим.

— А с погрузчиком что делать? — напомнил Алекс. — Тот, который навоз не берёт. Фермер звонит третий раз за неделю. Говорит, если мы не решим вопрос, он приедет лично. С ведром навоза. Для наглядности.

— Приедет — встретим, — вздохнул Николай Дмитриевич. — Саня, как закончишь с двигателем — глянь и на погрузчик. Может, он действительно что-то понимает в этой жизни, чего мы не понимаем.

— Я считаю, что это глубокий философский вопрос, — донёсся из-под верстака голос Феди. — Если машина отказывается выполнять бессмысленную работу — это не поломка. Это эволюция.

— Федя, — сказал Михаил Юрьевич, не оборачиваясь, — ты когда-нибудь видел эволюцию в гидравлической системе?

— Я много чего видел. Просто не всё могу объяснить.

Вальдемар хмыкнул и добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Если погрузчик умнее некоторых людей, которых я знаю, — это ещё не повод для паники. Это повод для гордости. Значит, мы хорошую технику продаём.

Так началась история о том, как маленькая компания по продаже строительной техники решила, что для спасения бизнеса нужно просто слетать в Китай, купить завод и не умереть. Что, как выяснилось позже, было весьма амбициозным планом, учитывая, что никто из них толком не знал китайского, за исключением слова «Нихао», которое, как выяснилось позже, звучало несколько иначе, чем представляли себе трое вверенных Сане механиков.

Глава 2. В которой самолёт садится не туда, господин Ван оказывается серьёзнее, чем казалось, а Саня впервые сомневается в себе

Самолёт компании «Лаки-Эйр» приземлился в Цзинане, скрипя всем, что теоретически не должно скрипеть в летательном аппарате. Строго говоря, сел он туда — в провинцию Шаньдун, как и было указано в билетах. Но, как выяснилось позже, «туда» и «правильно» — не всегда одно и то же.

Николай Дмитриевич, Алекс и Саня вышли в серое марево, где воздух был горячим и плотным, как в бане. Кир, разумеется, прилетел бизнес-классом днём раньше и встретил их в холле отеля — с бокалом светящегося коктейля и с китайкой, которая, как выяснилось позже, оказалась менеджером по уборке и просто боялась уйти.

— Парни, я всё устроил! — Кир сиял. — Завтра нас ждёт господин Ван. Тот самый, с насосами. Он сказал, что завод просто конфетка. И ещё он сказал, что мы теперь его лучшие друзья, а это, по китайским меркам, почти как кровное родство.

— Сколько ты ему уже перевёл? — устало спросил Николай Дмитриевич.

— Всего лишь предоплату за консультационные услуги. Сто тысяч долларов. Но он обещал скидку на завод!

Алекс застонал и сел на чемодан. Саня молча достал паяльник — просто чтобы подержаться за что-то знакомое. Он почти не спал в самолёте. Ему снился один и тот же сон: он стоит над разобранном двигателем и понимает, что не знает, как собрать его обратно. Детали лежат на верстаке, а он смотрит на них и не узнаёт. Этот сон преследовал его последние полгода. Он никому о нём не рассказывал. Да и кому расскажешь? Феде, который считает, что сны — это мнение подсознания? Михаилу Юрьевичу, который видел столько сломанных моторов, что никакие сны его уже не брали? Или Алисе? При мысли об Алисе Саня поморщился. Ей он точно не стал бы рассказывать.

Наутро делегация погрузилась в такси. Таксист, узнав адрес, радостно закивал и повёз их куда-то в сторону гор. Ехали долго. Алекс дремал на заднем сиденье. Саня смотрел в окно на проплывающие рисовые поля и мысленно перебирал схему возможной модернизации конвейера. Николай Дмитриевич сохранял то особое спокойствие, которое не нарушалось даже тогда, когда таксист свернул с асфальта на грунтовку. Три часа спустя они оказались в деревне, где на них с интересом смотрели куры. Ни одна из кур не была похожа на завод.

— Навигатор говорит, мы на месте, — нервно сообщил Алекс, тыкая в телефон.

— Навигатор говорит по-китайски, а ты выбрал язык «суахили», потому что «значок был похож», — напомнил Николай Дмитриевич.

— Я подумал, это иероглиф!

— Это был не иероглиф. Это был флаг Танзании.

Алекс замолчал. Навигатор тем временем приветливо сообщил что-то на суахили — судя по интонации, желал удачи. Таксист, ничуть не смутившись, вышел из машины, закурил и принялся что-то обсуждать с местным стариком, который показал рукой куда-то в сторону гор.

— Он говорит, завод там, — перевёл Алекс, который не понимал ни слова, но чувствовал себя обязанным оправдаться за навигатор.

— Завод — это хорошо, — кивнул Николай Дмитриевич. — А куры — это тоже часть производственного цикла?

Куры, словно поняв вопрос, разошлись, и из-за их спин показалась хижина, сплетённая из бамбука и предпринимательского духа. Из хижины вышел человек в безупречном костюме, который в этой локации выглядел так же уместно, как фрак на рыбалке. Он улыбался и нёс

поднос с чайником. За его спиной, в тени, стояли двое — молчаливые, в одинаковых тёмных рубашках, с глазами, которые не выражали ничего, кроме профессиональной готовности ко всему. Алекс, повидавший кредиторов и коллекторов, сразу понял: это не просто встреча. Это встреча с серьёзными людьми.

— Добро пожаловать! — сказал человек на прекрасном английском. — Я господин Ван. Вы, должно быть, мои новые партнёры из России. Господин Кир, я вас сразу узнал по ауре успеха.

— Видите! — шепнул Кир. — Он разбирается в людях.

Ван повёл их за хижину. Двое остались у входа — не угрожающе, но окончательно. Под брезентом обнаружился агрегат — жёлтый, блестящий, с ковшом и гусеницами. Теоретически — мини-экскаватор. Практически — нечто, собранное по картинке из журнала людьми, которые видели экскаватор только во сне, да и то не целиком.

— Наша новая модель, «Хуанхэ-3000»! Лучший в своём классе! — гордо объявил Ван.

— Почему отвал прикручен сзади? — спросил Саня, уже чувствуя знакомый холодок в желудке.

— Инновация! Обратная логистика копания.

— А почему гусеницы разного размера?

— Специально для неровных ландшафтов. Одна нога короче — устойчивее на склоне.

Алекс нажал рычаг, примотанный скотчем. Экскаватор издал мелодичную трель, из выхлопной трубы вылетел сноп искр, а ковш начал ритмично подниматься и опускаться.

— Брачный танец экскаватора, — с гордостью пояснил Ван. — Очень популярная опция в провинции Гуандун. Молодожёны арендуют для свадеб.

Николай Дмитриевич снял очки и посмотрел на Кира. Кир изучал носки кроссовок.

— Господин Ван, мы хотели купить завод по производству строительной техники. Не цирковой.

— А, так вы про тот завод! Это рядом. Шурин держит. Идёмте.

Они шли через заросли, и Ван не уставал комментировать окрестности. Горы — лучший в провинции камень для фундаментов. Река — ещё его дед сплавлял лес. Груда металла за бамбуковой рощей — «наш склад, очень экологично, reduce, reuse, recycle — как в Европе». Саня подошёл ближе. Свалка. Ржавые балки, обрезки рельсов, остовы механизмов. Он наклонился, поднял деталь, счистил ржавчину рукавом. «Сделано в СССР, 1976. Завод имени Кирова».

— Хорошая сталь! Советская! Вечная! — радостно закивал Ван. — Из такого рельса — отличный противовес. Уже покрашен — не надо красить.

Саня посмотрел на рельс, потом на Вана, потом на Николая Дмитриевича.

— Я запрещаю использовать это для техники, которая идёт в Россию.

Ван обиделся ровно на четыре секунды.

— А для внутреннего рынка?

— Для внутреннего делайте что хотите. Но если я увижу советский рельс в нашем экскаваторе — я его лично достану и верну вам. Экспресс-почтой.

Ван пожал плечами и согласился. Саня кивнул, но холодок в желудке не прошёл. Дело было не в рельсе. Дело было в масштабе. Свалка означала, что завод работает по принципу «что нашли — из того и собрали». А ему предстояло превратить это в работающее производство.

Настоящий завод нашёлся дальше. Бетонные цеха, погрузчики, рабочие в касках, конвейер, с которого сползали маленькие экскаваторы. Шурин Вана, мрачный человек по имени Лао, молча пожал всем руки. Алекс заметил на его запястье татуировку — дракон, кусающий собственный хвост. «Общество совместного процветания». Триада. Алекс мысленно поставил галочку: это не то, чему учили в его предыдущих бизнесах.

— Почему продаёте? — спросил Саня, осматривая цех.

— Банкрот, — весело перевёл Ван. — Но это не страшно! Банкротство в Китае — как у вас ребрендинг. Новое начало!

Саня прошёл вдоль конвейера. Остановился у контроллеров. Открыл щиток. Внутри — провода на изолянте, платы, припаянные под углом, противоречащим законам физики, прошивка, скачанная с форума и переписанная трижды. Он стоял и смотрел, и впервые за много лет чувствовал не азарт, а страх. Настоящий, липкий страх. Не перед одним мотором — перед целой фабрикой. Десятки узлов, сотни деталей, тысячи точек отказа. Если он не справится — подведёт всех. Николая Дмитриевича, который поверил. Алекса, который уже мысленно продавал эти машины. Алису, которая снимала и верила.

— Саня? — голос Николая Дмитриевича вывел его из оцепенения.

— Я могу это починить. Нужно переделать логику и перепрошить контроллеры. Это два-три месяца. Мне нужны будут местные инженеры.

— Получишь. Что ещё?

Саня помолчал. Потом сказал то, чего не говорил никогда:

— Мне нужно, чтобы кто-то проверил мои расчёты. Я не хочу ошибиться.

Николай Дмитриевич посмотрел на него — тем взглядом, от которого люди чувствовали себя отчётом с недостающей запятой. Но сейчас в этом взгляде было что-то ещё. Понимание.

— Проверим. Вместе.

Вечером в отеле Николай Дмитриевич сидел на балконе и смотрел на огни Цзинаня. Алекс принёс две бутылки местного пива.

— Знаешь, о чём я думаю? О татуировке Лао. Если мы влезли в бизнес с триадой, нам нужно как-то страховаться.

— Уже. Я попросил Марь Иванну подготовить документы так, чтобы завод был оформлен как совместное предприятие. Лао владеет контрольным пакетом. Мы получаем сорок процентов и эксклюзивное право на экспорт. Если у них проблемы с законом — теряем только китайский актив. Если всё пойдёт хорошо — через два года выкупаем долю Лао.

— А он согласен?

— Сам предложил. Сказал, уважает осторожных. И добавил: если мы его кинем — обидится. А когда Лао обижается, люди исчезают. Не в переносном смысле.

Алекс допил пиво молча. В соседнем номере Саня разложил на столе фотографии контроллеров и схему конвейера. Он работал до трёх ночи. Страх не ушёл, но стал рабочим — как шум двигателя, к которому привыкаешь.

А в баре отеля Кир праздновал сделку в одиночестве. К нему подошли двое — те самые, в тёмных рубашках. Один положил на стол телефон с переводчиком. «Господин Кир, совет старейшин приветствует вас. Мы с интересом наблюдаем за вашим бизнесом. Господин Лао — наш уважаемый член. Надеемся, сотрудничество будет взаимовыгодным». Кир прочитал и почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Он привык к рискам — финансовым, репутационным. Но это была триада. И она знала о нём всё.

— Передайте, что мы ценим доверие, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Человек убрал телефон, улыбнулся — одной из тех улыбок, которые ничего не обещают, — и они ушли. Кир остался сидеть с бокалом. Впервые в жизни ему стало по-настоящему страшно. И впервые он понял: его обычные схемы — обаяние, деньги, звонки знакомым — здесь не сработают. Здесь нужны другие правила. И он их не знает.

Так «Весёлые механики» стали владельцами китайского завода. Оставалась сущая мелочь: понять, как управлять производством, как вывезти технику в Россию и как при этом не исчезнуть. В переносном смысле. Или в прямом.

Глава 3. В которой российская таможня изучает основы рекламной деятельности

Запуск производства в Китае походил на попытку собрать кубик Рубика в темноте, руками человека, который никогда не видел кубика, но зато очень уверен в себе. Таким человеком был, разумеется, Кир. В первый же день он решил внедрить на заводе систему мотивации, о которой прочитал в самолёте в журнале «Бизнес за три секунды». Система заключалась в том, что рабочим выдавали цветные стикеры: зелёный — «ты молодец», жёлтый — «старайся лучше», красный — «ты уволен». К концу смены все рабочие сидели в курилке и клеили красные стикеры на портрет Кира, который Алиса распечатала для корпоративного стенда. Саня тем временем разбирался с конвейером. Китайские инженеры смотрели на него как на божество: он мог определить неисправность по звуку, по запаху и, кажется, по карме детали. Когда он перепрошил главный контроллер, используя переходник, спаянный из скрепки и остатков чьего-то обеда, цех взорвался аплодисментами. Лао подошёл и молча пожал Сане руку. Это был первый раз, когда Лао проявил эмоции, не считая того случая, когда Кир упал в бочку с гидравлическим маслом. Алекс налаживал сбыт. Он обнаружил, что китайские дилеры не понимают слов «скидка от объёма», зато отлично понимают концепцию «ты мне — я тебе», особенно в форме ужина с baijiu, рисовой водкой, которая по градусу была сопоставима с жидким огнём. После трёх таких ужинов он подписал контрактов на сумму, превышающую годовой бюджет компании, но не мог вспомнить собственное имя. Николай Дмитриевич координировал процесс, то есть сидел в бывшем кабинете Лао, пил тёплое пиво прямо из бутылки со звёздочкой и составлял такие многослойные схемы логистики, что даже контрабандисты, случайно подслушав, предложили бы ему работу. Через две недели первая партия из десяти экскаваторов «Хуанхэ-3000», уже без функции брачного танца, но с подстаканниками, была готова к отправке в Россию.

И вот тут началось самое интересное.

Партия прибыла в порт Владивостока ранним утром вторника. Контейнеры вскрыли, экскаваторы выкатили на площадку досмотра, и молодой таможенный инспектор, с лицом человека, который недавно посмотрел учебный фильм о контрабанде и теперь видел её повсюду, открыл кабину первой машины. В кабине, аккуратно разложенные по сиденью и полу, лежали буклеты. Много буклетов. Глянцевых, цветных, с изображениями экскаваторов в самых неожиданных ракурсах. Ковши крупным планом. Гидравлические цилиндры в мягком фокусе. Противовесы, кокетливо повёрнутые к фотографу. Гусеницы, снятые снизу, с намёком на мощь и неукротимую энергию. Китайские партнёры, не предупредив русских коллег ни единым словом, заботливо уложили в каждую машину рекламные материалы завода — видимо, полагая, что это поможет продажам. Таможенный инспектор взял один буклет. Перелистал. Покраснел. Взял второй. Покраснел ещё сильнее. Позвал старшего смены. Старший смены, женщина с причёской, напоминавшей орлиное гнездо после урагана, изучила буклеты и вынесла вердикт:

— Похоже на порнографию. С экстремистским уклоном.

— Где?! — хором воскликнули Николай Дмитриевич, Алекс и Саня, прибывшие встречать груз.

— Вот, — инспектор ткнул пальцем в разворот, где гидравлический цилиндр был снят в багровом свете заката. — Откровенно. И вот — взгляните на этот противовес. Он же кокетничает.

— Это противовес, — сказал Саня голосом, которым разговаривают с больными. — Он не умеет кокетничать. Это кусок чугуна.

— А это? — инспектор перелистнул страницу. — Гусеницы. Сняты снизу. Явно что-то символизируют.

— Они символизируют гусеницы, — ответил Алекс. — То, на чём ездит экскаватор. Это техническая литература.

— Техническая литература не бывает такого качества печати, — отрезал старший смены. — Назначаем экспертизу.

Экспертиза длилась месяц. Всё это время партия экскаваторов стояла в порту, и каждый день Алиса приезжала снимать новый контент: «День третий, таможня всё ещё держит наши экскаваторы, буклеты изучает комиссия из пяти человек». Видео набирали сотни тысяч просмотров. Комментаторы требовали показать буклеты. Буклеты не показывали, что только подогревало интерес. Наконец эксперт — пожилой мужчина с бородой, делавшей его похожим на профессора-филолога, — огласил заключение. Согласно заключению, виды поднятых рукоятей и кокетливо повернутые к фотографу противовесы не представляли эротического интереса для потребителей. Более того, эксперт отметил, что ковши и гусеницы даже не думали никого оскорбить или призвать к смене общественного строя. Буклеты были признаны печатной продукцией рекламного характера, не подлежащей запрету, но подлежащей декларированию. А поскольку задекларированы они не были, таможенная служба нехотя решила ограничиться штрафом. Сумма штрафа оказалась неожиданной — примерно равной стоимости одного из изображённых в буклетах экскаваторов. Хотя таможенная стоимость самой бумаги, оценённая по весу, составила сумму, которой хватило бы ровно на один гамбургер в портовой столовке — без напитка.

— Мы будем обжаловать, — сказал Николай Дмитриевич тоном, в котором надежда боролась с печальным жизненным опытом.

— Не советую, — ответила старший смены. — Или штраф и макулатура, или мы возвращаемся к версии с порнографией.

Штраф заплатили. Буклеты оформили как рекламные материалы и ввезли официально. Впоследствии Алиса продала половину тиража через интернет как «коллекционные арт-буки закрытой таможенной экспертизы» по цене, вдвое превышавшей штраф. Вторая половина разошлась по рукам сотрудников порта, и ещё долгое время в кабинетах владивостокской таможни на стенах висели фотографии кокетливых противовесов.

Вечером в отеле Кир сидел с весьма скорбным видом. Алиса гладила его по плечу и говорила, что буклеты — это отличная идея для мерча. Алекс лечил нервную систему местным вином. Саня перебирал в уме конструкцию нового погрузчика и думал, куда бы прикрутить ещё один подстаканник. Николай Дмитриевич говорил по телефону с Марь Иванной.

— Партия прошла. Завод работает. Кир больше ничего не покупает. — Он помолчал, слушая ответ. — Что значит «налоговая»?

Глава 4. В которой компания «Парни с соседнего двора» начинает охоту, а прошлое напоминает о себе в виде адвоката с ритуальным термосом и погрузчика, отказавшегося от навоза

В Москве, в промзоне, в ангаре «Весёлых механиков», Марь Иванна сидела за своим столом. Перед ней лежало уведомление о выездной налоговой проверке. Причина была сформулирована туманно, но опытный глаз бывшего инспектора сразу выхватил знакомые формулировки — такие обычно появляются, когда кто-то из конкурентов шлёт анонимный сигнал. И сама Марь Иванна не сомневалась, кто именно этот сигнал послал. Потому что рядом с уведомлением лежало второе письмо — на бланке с логотипом, изображавшим стилизованный экскаватор, перечёркнутый красной молнией. Логотип принадлежал ООО «ТехноГарантПлюс» — главному конкуренту «Весёлых механиков» на рынке строительной техники. Письмо было коротким: «Уважаемая Марья Ивановна! В связи с расширением нашего присутствия на рынке малой строительной техники предлагаем вам рассмотреть возможность добровольной ликвидации ООО „ВМ“ с передачей клиентской базы и складских остатков в пользу ООО „ТехноГарантПлюс“. В случае отказа мы будем вынуждены использовать все доступные правовые механизмы для защиты наших коммерческих интересов. С уважением, генеральный директор Д. Э. Штольц».

Марь Иванна прочитала письмо дважды. Потом перевела взгляд на уведомление о проверке. Потом снова на письмо. Временной зазор между ними составлял два дня. Два дня — ровно столько, сколько требуется налоговой, чтобы обработать сигнал и выписать уведомление. Она знала эту кухню изнутри. Семнадцать лет службы научили её отличать случайные совпадения от хорошо спланированных комбинаций. Это была комбинация. Штольц не просто угрожал — он уже начал действовать. И налоговая проверка была первым ходом. Разведкой боем. Марь Иванна сняла трубку.

— Николай Дмитриевич, возвращайтесь. У нас тут намечается небольшое мероприятие. И ещё — кажется, у нас появился враг. Настоящий. Из тех, что не предупреждают дважды.

Николай Дмитриевич положил трубку и некоторое время сидел молча. Он только что вернулся из Владивостока, где партия экскаваторов наконец прошла таможеню. Алекс, заметив его лицо, спросил, в чём дело.

— Штольц, — коротко ответил директор. — И налоговая по его наводке. Два в одном. Почти как в тот раз, только хуже.

— В какой — тот? — не понял Алекс.

Николай Дмитриевич снял очки, протёр их и, глядя на огни портового города за окном, вспомнил вслух историю, которую все в компании старались не вспоминать без крайней нужды.

А случилось это через полгода после основания компании, когда «Весёлые механики» ещё не имели ни китайского завода, ни спутника, ни даже кота Хуанхэ в штате, а только арендованный угол в промзоне, три подержанных погрузчика и безграничную веру Кира в светлое будущее. Именно тогда в краснодарскую станицу был продан погрузчик «Вунчай-200» — крепкая машина, которая, как утверждал продавец, могла поднять всё что угодно и перевезти куда угодно. Продавцом выступал лично Кир. Покупателем — фермер по фамилии Голопузенко, человек с лицом, напоминавшим печёное яблоко, и с характером, напоминавшим печёное яблоко, в которое забыли добавить сахар. Погрузчик прибыл в станицу ранним утром, Голопузенко лично залил солярку, завёл двигатель и направил машину к навозной куче, которая копилась три года и по размерам напоминала небольшой курган. Ковш опустился, вошёл в навоз и остановился. Двигатель работал. Гидравлика гудела. Стрела не двигалась. Погрузчик,

издав звук, похожий на глубокий философский вздох, заглушил мотор и больше не заводился. Голопузенко вызвал местного механика. Механик осмотрел машину и вынес вердикт: «Он не хочет».

— В смысле — не хочет?

— Не хочет навоз. Я ему ковш под навоз подвёл — он не берёт. Я ему под сено — берёт. Я ему под землю — берёт. Под навоз — ни в какую.

Голопузенко позвонил Киру и сказал, что погрузчик бракованный и он требует возврата. Кир сказал, что погрузчик в полном порядке и, возможно, ему просто не нравится запах. Голопузенко сказал, что он фермер, а не парфюмер, и если погрузчик не будет грузить навоз, он пойдёт в суд. Кир пересказал разговор Николаю Дмитриевичу. Тот выслушал и сказал: «Тяни время. Может, само рассосётся».

Не рассосалось. Голопузенко, как и обещал, пошёл в суд. Иск был составлен от руки, на четырёх листах, с цитатами из закона о защите прав потребителей, с подробным описанием навозной кучи и с приложением фотографий погрузчика, стоявшего перед этой кучей с видом оскорблённого достоинства. Судья, молодая женщина с усталым лицом, назначила предварительное слушание. И тут выяснилось, что у «Весёлых механиков» нет адвоката. Вообще. Юридические вопросы до этого решала Марь Иванна, но она не могла участвовать в суде, потому что была бухгалтером, а не адвокатом, и потому что сказала: «Если я увижу этого Голопузенко — я ему такой возврат оформлю, что он у меня до конца жизни будет налоговую декларацию заполнять».

Кир нашёл адвоката за три дня до слушания. Кандидата звали Матвей Ильич, и он когда-то работал помощником судьи в областном суде — подавал большие надежды, писал блестящие проекты решений и, по слухам, мог найти правовое обоснование для чего угодно, включая продажу воздуха в бутылках. Но однажды он пропустил важное заседание, потому что увлёкся изучением народных традиций — отмечал день рождения коллеги, который плавно перетёк в день рождения другого коллеги, а потом наступил понедельник, и Матвей Ильич обнаружил себя в другом городе без удостоверения, но с глубоким пониманием того, что судебная система несовершенна. Его уволили. Он стал уделять народным традициям ещё больше внимания. Потом решил завязать. Потом снова решил, но уже по расписанию — только после больших побед и крупных поражений. На момент знакомства с «Весёлыми механиками» он находился в фазе «воздержание, но с пониманием».

— Я возьмусь за ваше дело, — сказал он Николаю Дмитриевичу, изучив иск. — Но у меня условие. Гонорар вперёд. И особый чай. Для ритуала. Я завариваю его перед процессом и не притрагиваюсь до оглашения решения. Если выигрываем — выпиваю в знак уважения к Фемиде. Если проигрываем — выпиваю в знак уважения к её непредсказуемости.

Николай Дмитриевич согласился.

Суд состоялся во вторник. Зал был маленький, душный, с портретом президента на стене и с запахом, напоминавшим смесь старой бумаги и разочарования. Голопузенко явился лично, в парадной рубашке и с папкой документов. Матвей Ильич явился в мятом пиджаке, но с глазами, в которых читалась готовность к бою. Термос с особым чаем, как и было обещано, стоял в портфеле — не в зале суда, конечно, но сам факт его присутствия Матвей Ильич считал процессуально значимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.